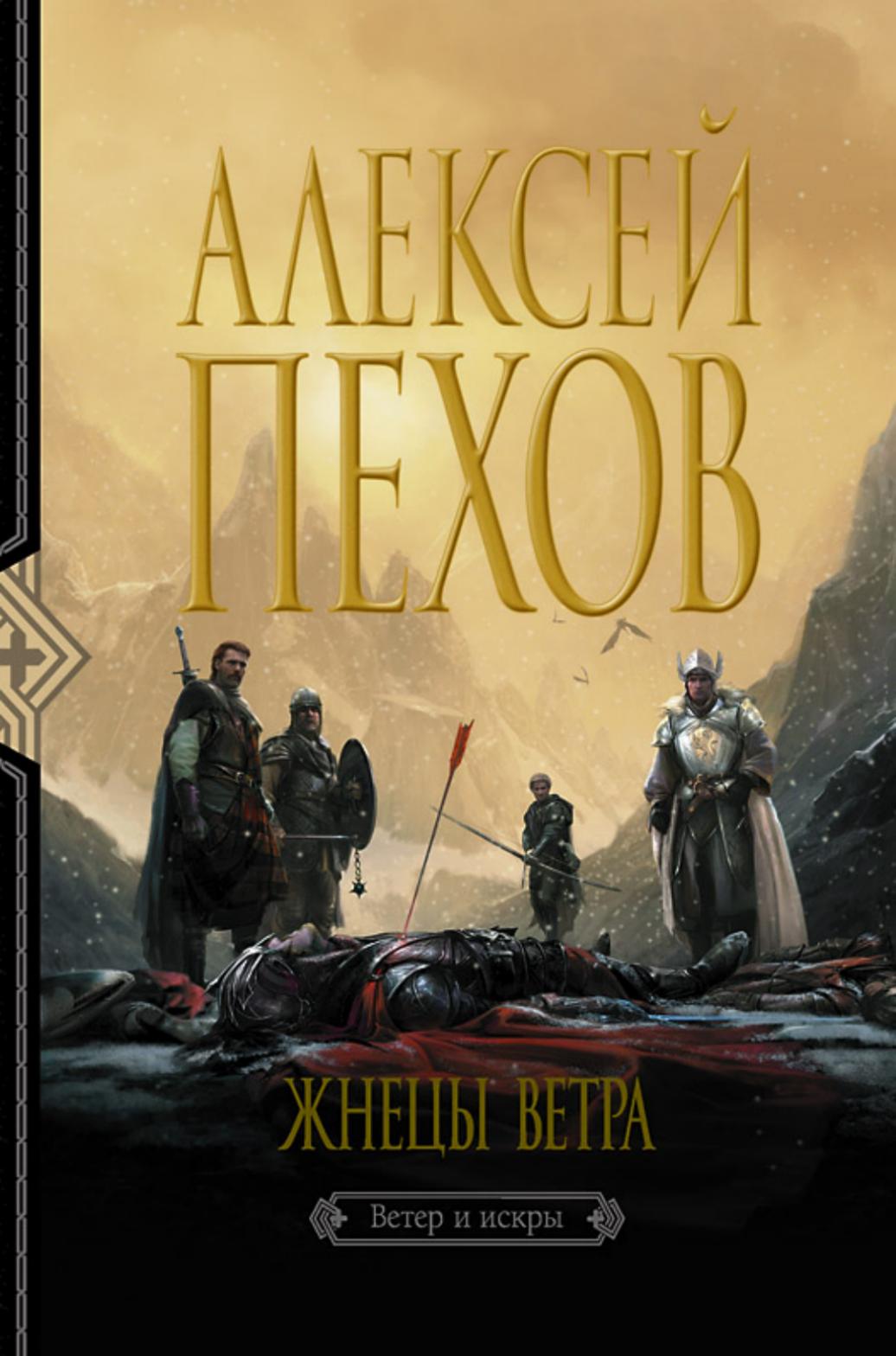

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

The background of the cover is a detailed illustration of a medieval fantasy scene. In the foreground, a fallen knight in dark armor lies on a red cloth on a snowy, rocky ground. To the left, two men in dark, practical armor stand; one has a sword on his back, and the other holds a shield. In the center, a red arrow is stuck into the ground. To the right, a figure in ornate, light-colored plate armor with a crown-like helmet stands looking towards the viewer. In the background, a lone figure is visible on a rocky outcrop. The sky is a hazy, golden-yellow color with a crescent moon and several birds flying. The overall atmosphere is somber and epic.

ЖНЕЦЫ ВЕТРА

Ветер и искры

Ветер и искры

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

Ветер
и искры

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

ЖНЕЦЫ ВЕТРА

РОМАН

Москва, 2011
 САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

*ЕСЛИ УРАГАН ВЕДЕТ ТЕБЯ К МЕСТИ —
ОДНУ МОГИЛУ РОЙ ДЛЯ СЕБЯ.*

ГЛАВА 1

— Опять! Лопни твоя жаба...— простонал Лук из-под надвинутого на лицо капюшона.

— Что «опять»? — не понял Га-нор, отжимая стянутые в хвост волосы.

— Дождь! Треклятый дождь льет уже вторую неделю. Или ты этого просто не желаешь замечать?

Северянин пробурчал нечто нечленораздельное.

— Тебе что?! Все равно? — возмутился Лук.

— Пока дождь меня не убивает — да.

В ответ раздался громкий чих, и нытье продолжилось. Стражник безостановочно ворчал вот уже четвертый день. Он ненавидел затяжные путешествия, особенно если они происходят неуютной осенью.

— Сто раз предлагал — давай переждем непогоду где-нибудь под крышей. Не верю, что поблизости нет таверн. Там, по крайней мере, сухо. Вкусная еда, горячий шаф,— с удовольствием начал перечислять солдат, и его живот тут же жалобно заурчал в ответ. — К тому же за шиворот никакая дрянь не льется. Каждый день дождь, дождь, дождь... Посмотри на мою лошадь. Да-да. На эту. Что, не видно, как она тоже превращается в воду? Хватит смеяться! У меня скоро отрастут жабры, если я, конечно, не околею от холода. Ты этого хочешь?

— Нам некогда рассиживать по тавернам. И ты это прекрасно знаешь. — Га-нор наконец соизволил натянуть капюшон на мокрые волосы. — Не думай, что я в восторге от происходящего. Но нам нельзя задерживаться. Первый

месяц осени на исходе. Когда подойдет к концу третий — перевалы в Катугских горах завалит снегом, и мы застрянем на юге до поздней весны. Тебе нравится находиться по соседству с Белыми?

Для немногословного сына Ирбиса это была необычайно длинная речь. Лук вновь чихнул, смачно высморкался и наконец произнес:

— Я говорил и еще раз скажу — Лестницей Висельника пройти невозможно. Набаторцы, конечно, идиоты, но не слепые. Перевал слишком узок, чтобы мы там разминулись.

— Предложи другой вариант, — невозмутимо промолвил Га-нор.

Лук знал, что друг прав. Лестница для них — единственный способ пробраться на север. Второй перевал, Клык Грома, слишком далеко на западе. Дорога до него займет больше трех месяцев. К тому же миновать территории, лежащие между Слепым кряжем и побережьем Устричного моря, будет трудновато. Особенно в окрестностях Гаш-шаку или Альса. Там от набаторцев должно пестреть в глазах.

— Единственный выход, если тебя пугают горы, — залезть в какую-нибудь дыру и переждать.

— Ну уж нет! Я не хочу, чтобы в один из дней за нами пришли мертвецы или Сжегшие душу. Все время сидеть и стучать зубами в ожидании гостей — это не по мне, лопни твоя жаба. Вот только прорываться к Лестнице не менее глупо. Насколько далеко мы от нее?

Га-нор привстал на стременах, небрежно огляделся, пожал плечами. В последнее время это был его самый частый ответ на все вопросы.

— Мы хоть в правильном направлении едем?

— В правильном.

Лук вздохнул. Порой немногословность товарища его раздражала. Иногда хотелось нормально поговорить. А общение с Га-нором очень часто напоминало

монолог. С таким же успехом стражник мог бы беседовать с самим собой.

Окружающий пейзаж не вызывал у спутников воодушевления. Пожелтевшее редколесье, давно потерявшие большую часть листвы деревья, серое небо, тусклый солнечный свет, едва пробивающийся сквозь тучи. И дождь, заставляющий воду в лужах вскипать.

— Два дня назад оно тоже было правильным. Но западных отрогов Слепого кряжа я так и не увидел, — вновь попытался завязать разговор Лук.

Молчание.

— Послушай, лопни твоя жаба! Это просто невыносимо! — взорвался стражник.

— Ты про свое занудство говоришь? — усмехнулся следопыт, даже не посмотрев на него.

— Нет, разумеется! Про наши скитания, лопни твоя жаба! Ты помнишь, когда мы в последний раз нормально жрали? Я — нет, а мой живот и подавно. Все время давимся какой-то дрянью. Скоро начнем крыс ловить.

— Уже.

— Что уже? — не понял Лук.

— Вчера мы ели крыс, — последовало невозмутимое пояснение. — Точнее, сусликов.

Стражник поперхнулся, ошалело посмотрел на приятеля, понял, что тот и не думает шутить, и голосом человека, которому очень плохо, произнес:

— Меня, кажется, сейчас вывернет.

— Не думал, что это тебя так расстроит. Ужин ты уплетал за обе щеки. И нахваливал.

— Я не знал, что это гадская крыс...

Северянин резко вскинул руку, заставив друга замолкнуть на полуслове. Лук нахмурился, взялся за кистень. Повисла тишина, лишь дождь барабанил по капюшонам да фыркали переступающие с ноги на ногу лошади. Рыжевато-коричневый тракт скрывался в дождливой пелене, и видимость была не больше чем на сто ярдов.

Прошла минка. За ней — другая.

— С дороги! Живо!

Толку от этого было мало, спрятаться в редколесье с лошадьми не представлялось возможным. Тонкие осины — слабое подобие укрытия, а редкий кустарник не способен спрятать следы животных. И все же это было лучше, чем ничего.

В рощице Лук отцепил притороченный к седлу арбалет, снял с оружия кожаный чехол, придирчиво изучил тетиву, натянул, достал из переметной сумы болт, аккуратно пристроил его в ложе. Миновало пять минок томительного ожидания, прежде чем Га-нор произнес:

— Никого.

— Слава Мелоту, — выдохнул Лук. За время знакомства с северянином он привык доверять его чутью. Поэтому поспешно разрядил арбалет и спрятал его от влаги в прощеченную кожу.

Не разговаривая, они взяли лошадей под уздцы, вывели их обратно на дорогу и забрались в седла.

— Значит, тебе вновь показалось? — Лук не выглядел недовольным. Понимал, что осторожность полностью оправдана. При малейшем подозрении северянина они искали укрытие, и дважды это спасло товарищей от набаторских патрулей. Но в последние дни все более часто тревога оказывалась ложной.

— Я слышал лошадиное ржание, — неохотно ответил сын Ирбиса.

— Думаешь, в здешней глуши кроме нас есть кто-то еще?

— Не стал бы я называть эти места глушью. Клянусь Угом, близко деревня.

— Да ну?!

— Дым. Чуешь?

Лук втянул носом воздух, но запах мокрой лошади забивал все остальные.

— Может, ты услышал звуки из деревни? — неуверенно протянул солдат.

— Не мели ерунды. До нее с четверть лиги.

Га-нор, в который раз за день, снял капюшон, подставляя лицо под холодные струи дождя. Последнее время он почти не спал. Еще пара дней — и северянин начнет совершать ошибки. А они приведут прямоком в ледяные чертоги Уга.

— Кажется, нам все-таки придется найти тебе горячего шафа, а мне соломенную подстилку. Следует выспаться,— принял решение следопыт.

— Первая хорошая новость за неделю! — обрадовался Лук.— Сам посуди, холода не за горами, а у нас кроме плащей никакой теплой одежды. Может, что-нибудь купим...

Сын Ирбиса скорчил мину. Денег было мало. Вряд ли кто-нибудь продаст зимнюю одежду за медь и мелкое серебро.

Лошади, словно почувствовав скорый отдых, пошли быстрее.

Прошло не так много времени, когда Га-нор вдруг резко остановился, спрыгнул с седла и стал пристально изучать землю.

— Что там? — нетерпеливо поерзал стражник.

— Следы. Много конных.

— Уверен? — Лук не представлял, как в такой жиге можно что-нибудь разобрать.

— Проехали чуть больше нара назад.

— Наверное, это крестьяне,— солдату не хотелось расставаться с мыслью об отдыхе.

— Крестьяне ходят пешком. Или, если повезет, едут на разбитой телеге, запряженной старой клячей.— Га-нор вскочил в седло и развернул лошадь.— Вернемся назад. К лесу. Пойдем по нему. Если не будем мешкать, через несколько дней увидим Слепой кряж.

Но возвратиться друзья не успели.

Стук копыт пришел с той стороны, откуда они приехали. И сейчас уйти с дороги стало невозможно — местность здесь была открытая, к тому же придорожные каналы переполнены водой, а голые поля с редким кустарником превратились в настоящее болото. Животные увяз-

нут, не пройдя и двадцати ярдов. Конные к этому времени уже будут рядом, и если среди них есть арбалетчики — придется худо.

Сын Ирбиса не стал мешкать и, помянув Уга, поскакал вперед. Лук, задержавшись лишь на мгновение, поспешил следом.

Непогода не предполагала скачек, но выбора не было. Грязь летела во все стороны, окатывая лошадиные бока и всадников. Дождь заливал глаза. Вцепившиеся в уздечку пальцы немели от напряжения. Прижавшись к едко пахнущей лошадиной гриве, Лук старался не отстать от Га-нора. Эта скачка напомнила ему неудачное бегство из Альстары в день, когда к городу подошел Рован.

Они миновали залитые водой поля с пожелтевшей травой, непролазный колючий кустарник, заросли едкого боревника¹. Прямая дорога сузилась, начала петлять, влезла в ложбину между двумя небольшими холмами с глинистыми склонами. Даже в хорошую погоду взобраться по ним было бы не так просто, а уж сейчас об этом нечего и думать. Оставалось только нестись вперед, высматривая подходящее место, чтобы уйти с тракта.

Всадники вброд пересекли несколько разжиревших от непогоды ручьев. Каждый раз лошади сбавляли темп, переходя на шаг. Дождь усилился, превратившись в ледяной ливень. Разгоряченные скачкой животные недовольно трясли головами — они устали и начали оступаться.

Холмы остались позади, вновь пошли проклятые заболоченные поля. А далеко впереди, над голыми вершинами редких осин, вился сизый дымок и торчал шпиль колокольни.

— Попробуем проскочить через деревню! — крикнул Га-нор.

— Если там враги, мы попадем в переделку!

— Мы уже попали. За деревней лес! Видишь?!

¹ Б о р е в н и к — ядовитый кустарник.

Действительно, на горизонте виднелась черная полоса деревьев. Сын Ирбиса надеялся, что их не смогут догнать в дебрях Прикряжья.

Ливень не утихал, но Лук и думать о нем забыл. Лишь молился Мелоту, чтобы лошадь не подвела. Промелькнуло небольшое, заросшее низкими березами кладбище с развалившейся деревянной оградой. Замшелый, выкорчеванный из земли Лысый камень. Затем — грубо срубленная, отяжелевшая от трупов виселица. Лук увидел ее в тот момент, когда вылетевший из дождя болт угодил в шею кобылы Га-нора.

Северянин легко приземлился на ноги, погасив скорость, перекатился через плечо, грязный и страшный, оказался на краю дороги. Лук, соображавший в такие моменты довольно быстро, осадил лошадь, спрыгнул в жижу, поскользнулся, упал, крутанулся и тем самым избежал смерти от очередного болта. Извиваясь ужом, по уши в ледяной грязи, он ползком добрался до сына Ирбиса.

— Лопни твоя жаба! Добегались!

— Голову не поднимай.

Они лежали под растущим возле обочины кустом с ху-досочными ветвями.

— Южане, лопни твоя жаба! — дрожа от холода, процедил Лук. — И покойники.

Над их головами угрожающе возвышалась мрачная виселица. Посиневшие, уже потрепанные вороньем трупы медленно раскачивались. Судя по одежде — мертвецы были крестьянами.

В отличие от шепчущего молитву Лука, Га-нор не обратил внимания на покойников. Он высматривал укрытие. До погоста было не добраться — сотня ярдов по открытой местности. Добежать и не схлопотать в спину болт можно только чудом. Деревня тоже теперь стала недоступна — рядом с находящимся на пути намокшим и просевшим стогом сена прятались стрелки.

Лук пошевелился, и почти тут же свистнул болт, едва не попав ему в голову. Стражник охнул, еще сильнее вжимаясь в грязь, и покосился на сына Ирбиса, который освободил перевязь на груди, снял ножны с мечом, подтянул их к себе, обнажил оружие. Лук последовал его примеру, взяв в правую руку узкий длинный кинжал, а в левую кривой нож.

— Ну что, дружище? Покажем этим набаторцам, лопни твоя жаба?

— Это не набаторцы.

Сотрясая зловещую тишину топотом копыт, в сторону деревни скакали всадники на уставших лошадях. Разношерстное воинство, среди которого были и закованные в латы рыцари, и облаченные в кольчуги солдаты. В первых рядах ехал знаменосец. В жалкой мокрой тряпке, повисшей у него на древке, с трудом можно было распознать имперский штандарт.

— Наши, лопни твоя жаба! Это же наши! — восторженно завопил Лук, попытался встать, но тут же вновь оказался на земле.

— Лежи! — рывкнул дернувший его за пояс Га-нор. Он не сводил глаз с приближающегося отряда. Меч убирать не стал, лишь поменял немного свое положение и поджал ноги, чтобы успеть вскочить.

— Но это же наши... — уже не так уверенно пробормотал солдат.

— Осталось только объяснить им, что мы свои, — голос у северянина был мрачным.

Он понимал, какое в военное время будет отношение к неизвестным.

Их заметили, и пятеро всадников, отделившись от основного отряда, направились к друзьям. Остальные, не снижая скорости, пронеслись к деревне. Опытный глаз Га-нора отметил, что воины вымотаны, многие ранены и едва держатся в седлах.

Сын Ирбиса внимательно следил за приближающейся пятеркой. Впереди, на мощных жеребцах ехали два зако-

ванных в латы рыцаря. На их стальных нагрудниках были выгравированы растянувшиеся в прыжке леопарды.

Первый воин — молодой, возможно, чуть старше Шена. Русые волосы отливали тусклым серебром на его висках, и любому знающему человеку это говорило о том, что в нем есть толика крови императорской семьи. Голубые глаза из-под прямых, вразлет бровей смотрели внимательно и устало. Тонкое благородное лицо портил сломанный и еще не заживший нос. Ввалившиеся щеки покрывала недельная щетина, над правой бровью была небольшая, стянутая суровой нитью рана.

Второй латник, казавшийся настоящим гигантом, не снимал шлема.

Трое солдат сопровождения носили более простую броню: куртки с нашитыми стальными пластинками, кольчуги с капюшонами. Двое из них держали наготове арбалеты.

— Кто такие? — пробасил гигант.

Голос из-за опущенного забрала казался низким и гудящим, словно храмовый колокол.

— Свои. Не видно, что ли? — бросил Лук, вслед за Га-нором осторожно встав на ноги.

— Бросайте оружие, — хмуро приказал молодой.

Га-нор быстро сделал, что велено. Лук, недовольно бурча, последовал его примеру — кинжал и нож полетели на землю. Но даже после этого арбалеты не опустились.

— Не калечить, — приказал гигант, и рыцари, развернувшись, поскакали к домам.

— Братцы, вы чего?! — возмутился Лук, когда им пришлось связывать руки. — Мы же свои!

— Потом разберемся, какие вы свои, — с угрозой в голосе пообещал один из двух стрелков. — А пока стойте смирно. Тебя, рыжий, это в первую очередь касается. Знаю я вашу породу.

— Да свои мы, лопни твоя жаба! — в последний раз попытался докричаться до них стражник.

— Повопи у меня! Я тебе такую жабу покажу, сволочь! — зло процедил другой, и Лук, поняв дальнейшую бесперспективность споров, умолк.

— Командирам будешь рассказывать, парень. Если слушать станут, — куда более примирительно сказал первый, затягивая веревку так, что Га-нор скрипнул зубами.

Под усиленным конвоем они прочавкали по грязи, обошли труп лошади и оказались возле плетней огородов. Здесь, укрывшись плащами, мокли двое следящих за дорогой арбалетчиков.

— Проворные вы ребята! — осклабился один из них. — Счастливики!

— Это вы мазилы! — пробурчал под нос стражник, но его, по счастью, не услышали.

Деревня кипела от суетившихся в ней солдат. Местных жителей видно не было. То ли попрятались, то ли ушли от греха подальше.

— Эй! Десятник! — крикнул один из тех, что сопровождал товарищей. — Куда этих?!

— К милорду Рандо.

— Где он? Или я, по-твоему, в каждую избу должен заглядывать?!

— В храме.

— Нашли время молиться, лопни твоя жаба, — пробормотал Лук и тут же схлопотал несильный тычок промеж лопаток.

Деревня оказалась небольшой — всего лишь одна грязная улица, вдоль которой выстроилось два десятка неказистых домов. Низкие плетни, убранные огороды, колодец с долговязым журавлем, возле которого возился светловолосый «леопард». И три мало-мальски высоких здания: замшелый двухэтажный трактир с полностью выцветшей вывеской, храм с широким крыльцом и деревянная колоколенка, столь хлипкая, что, кажется, еще один порыв ветра — и она рухнет. Чуть дальше, за домами, виднелось нечто похожее на небольшую водяную мельницу.

Кто-то заорал на всю улицу, призывая лекаря поторопиться, курва его заberi. Справа, под пропускающим воду навесом из жидкой соломы, лежали трое мертвецов. Их доконали раны и дорога. Облаченный в кольчугу жрец Мелота шептал над погибшими молитву, то и дело осеняя их знаком благословения.

Несколько человек уводили мокнувших под дождем лошадей прямо в избы. Где-то за домами с отчаянной хаотичностью стучали топоры, слышались резкие приказы. На колокольне уже торчали несколько лучников. Лук подумал, что оттуда, даже в такую мерзкую погоду, должны хорошо просматриваться окрестности. Он быстро подсчитал все, что увидел,— вышло, в отряде за полсотни солдат.

Двери в храм были распахнуты настежь. Внутри, в плохо освещенном помещении с тусклыми, безграмотно на-малеванными образами Мелота, спорили люди.

— Мы не можем себе этого позволить, Рандо! Задержка подобна смерти! — гудел зычный бас.

У обладателя голоса, рыцаря-гиганта, уже знакомого друзьям, оказалось грубое, угловатое лицо с мясистым носом и тяжелым подбородком, заросшим неопрятной бородой.

— У нас есть фора,— возражал молодой.— Лошади устали. И люди тоже. Нам нужен хотя бы день отдыха.

— Набаторцы наступают нам на пятки.

Кроме них здесь находились еще пятеро воинов. Двое в латах с эмблемами леопарда, остальные в кольчугах, свиных куртках и забрызганных грязью штанах. Все хмурые, уставшие, едва стоящие на ногах.

— Мне кажется, на какое-то время они от нас отстали,— бросил невысокий, крепко сбитый мужчина с плутоватыми глазами и неприятным голосом.

— Они не отстанут, Глум. Мы — слишком большая заноза в их тылах,— зло сказал черноусый молодец с фальчионом на боку, по виду уроженец Морассии.— Но ми-

лорд Рандо прав. Еще нар в дороге, и люди, и лошади начнут умирать от усталости.

— Уже умирают,— подтвердил, входя в храм, светло-волосый рыцарь, которого друзья видели у колодца.— Я разместил раненых в отдельной избе. Лекарь с ними.

— Спасибо, Кальн. Водер, я приказал перекрыть дорогу и начать укреплять деревню,— обратился тот, кого называли милордом Рандо, к великану, давая понять, что решение принято.

— Ты командир,— пожал плечами богатырь. Потом повернулся к порогу храма и увидел Га-нора с Луком.— А... привели. Ну, и кто вы такие?

— Лук, стражник башни Льда. Врат Шести Башен.

Кальн ошеломленно присвистнул и прищурился.

— Га-нор из клана Ирбиса. Воин башни Льда.

— А говорили, что после захвата крепости никто из гарнизона не выжил,— растягивая слова, произнес черносый морассец.

— А еще говорят, что жабы по небу летают! — пробурчал Лук и, не обращая внимания на хмурые взгляды, продолжил: — Нам удалось выйти из окружения. И, наверное, не только нам.

— Когда мы были под Альсом, ходил слух, что в горах погибли все,— подал голос молчавший до этого худой, похожий на скелет мужчина с тонким носом и большими оттопыренными ушами.— Не думаю, будто с тех пор что-то изменилось.

— Нет смысла гадать, Юргон. Глум, позови Крейга,— попросил Рандо, и низкорослый воин с плутоватыми глазами направился к выходу.— Хорошо. Допустим, я вам верю. Но шли вы слишком долго. Почти четыре месяца. И не спешили вернуться в армию. К Перешейкам, к примеру, где в то время шли бои. Или к Лестнице.

— Мы не дезертиры,— нахмурился стражник.

— Это нам решать! — отрезал Водер.

— Мы пробирались через Лесной край,— проронил Га-нор.— Затем отправились в Альсару. К Ходящим.

— Зачем?! — резко бросил Юргон, и кадык на его тощей шее дернулся под полупрозрачной, как тонкий пергамент, кожей.

— Затем, что нас об этом попросила Ходящая в Шести Башнях. Ну... меня попросила... прежде чем умерла,— объяснил Лук.

Веревки нещадно натирали запястья, холодная промокшая одежда студила тело, и вся сложившаяся ситуация казалась солдату ужасно несправедливой.

— Интересно...— задумчиво протянул Юргон.— И что? Удалось вам побывать в Башне?

— Да.

— С кем говорили?

— С госпожой... э-э-э... Ирлой.

Огонек быстро обменялся взглядом с молодым рыцарем.

— Хорошо. Потом вы из города ушли?

— Да. Хотели добраться до Лестницы. Вернуться на север.— Га-нор не отвел взгляда.

— Как там? В Альсгаре? — жадно спросил один из рыцарей.

— Мы ушли почти месяц назад. Никаких новостей не знаем. Пробирались лесами. На дорогах много набаторских патрулей.

— И вас мы за такой патруль приняли,— встрял Лук.— Поэтому и дунули что есть сил. После того как Альсгару осадили, мы только и делаем, что скрываемся от этих южных подонков!

— Город осадили?! — изумленно вскричал морассец.

На всех остальных эта новость произвела столь же ошеломляющий эффект.

— Ну... да,— заморгал стражник.— Эй! А вы что?! Не знали? Ведь это случилось еще в последний месяц лета.

— Новости на восток доходят с большим опозданием,— проронил Юргон.— А теперь, когда все сообщение прервано,— с очень большим опозданием.

Вернулся Глум с пожилым лучником. Тот пристально изучил обоих пленников и, отвечая на невысказанный вопрос Рандо, отрицательно покачал головой:

— Впервые вижу, командир.

— Ну? — поинтересовался Водер. — А вы? Узнаете этого человека?

— Нет, — чувствуя какой-то подвох, проронил Лук.

Га-нор лишь пожал плечами.

— Крейг служил у Врат Шести Башен.

— Сколько лет назад?

— Пятнадцать, — смутился стрелок.

Лук фыркнул:

— Пятнадцать лет назад я еще и слова-то такого не знал — Самшитовые горы. Нашли кого привести!

Ответом ему были мрачные взгляды. Лишь Крейг посветлел лицом и внезапно спросил:

— Как называют статую первого капитана?

— Ну Долговязый осел. Что дальше? — с вызовом бросил Лук.

— Сколько калиток в Садовой стене?

— Шесть. Вторая слева уже лет двести как замурована.

— Что изображено на куполе башни Огня?

— Ничего. Купол так и не достроили.

— Вроде все верно... — обратился лучник к слушавшим его командирам.

— «Вроде»! — сплюнул Водер. — Нам не нужно «вроде». Ты уверен, что они там служили?

— Вроде... да. Тот, кто там не был, про такое бы нипочем не ответил.

— Ладно. Ступай.

— А с ними что делать? — поинтересовался морассец.

Повисло молчание.

— Заприте и выставите охрану, — наконец решил милорд Рандо.

ГЛАВА 2

Уже второй день Рандо рей Валлиона мучил сильный жар, и вчера он едва держался в седле. Слава Мелоту, об этом никто, кроме Юргона, не догадывался. Солдаты и без того достаточно вымотаны. Нельзя загружать их еще и своими бедами. А болезнь командира — не самый лучший способ повысить боевой дух отряда.

Рыцарь дождался, пока все покинут храм, посмотрел на образа, покачал головой. Наверное, Мелот отвернулся от него и его страны, раз позволяет, чтобы на нее обрушилось столько бед. Он не стал говорить этого вслух, не желая получить отповедь от полкового жреца, появившегося в дверях.

Помощь этого невысокого человека, знающего, и с какой стороны взяться за меч, и как поддержать людей словом, оказалась спасительной. Своей неугасимой верой он помогал солдатам и в бою, и в жизни. Рандо считал, что все они уцелели не без помощи Отора. Людям нужна надежда, особенно в тот момент, когда ее так тяжело найти и столь легко потерять.

— Вы кажетесь нездоровым, милорд.

— Ерунда,— он на миг прикрыл глаза, стараясь прогнать резь.— Просто устал.

— Вам следует хорошо выспаться...— Жрец подошел ближе, пристальнее взгляделся в лицо рыцаря, и между бровей его тенью легла тревога.— Последуй моему совету, Рандо. Ты нужен людям ничуть не меньше, чем благословение Мелота.

— Кошунственные вещи говоришь, Отор.

— Он простит меня,— без тени улыбки произнес жрец.— А вот если я не заставлю тебя отдохнуть, с меня спросят в Счастливых садах. Умрешь ты — умрут и другие.

— Хорошо.— Рандо кивнул, и виски тут же заныли.— Только поговорю с Юргоном.

— Он возле колокольни. С Глумом. Я помолюсь за тебя.

Попрошавшись, молодой человек вышел на улицу и подставил лицо под ледяные струи дождя. Удивительно приятные капли скатывались по волосам и стекали за шиворот, холодя спину и впитываясь в стеганую рубаху под доспехом. Печка, спрятанная где-то в груди Рандо, медленно остывала, унося вместе с жаром ломоту в костях и прогоняя висящий перед глазами проклятый туман. На какое-то время отступила безжалостная сонливость, клещами сжимавшая голову всю последнюю неделю.

— Я собираюсь проверить посты,— прогудел Водер, подходя к нему. За спиной великана на широком ремне висел страшный боевой молот.— Ты выглядишь больным.

— Все словно сговорились, дядя. Ты тоже решил стать моей матерью и проявить заботу?

Эти слова получились куда резче, чем он хотел, но гигант лишь пожал плечами:

— Мне далеко до моей сестры, Ран. Но я обещал ей приглядывать за тобой, хоть ты и командир.

— Командир чего? — с горечью спросил тот.— Все, кто был под моим началом, погибли.

— Не все. Нас еще восемь человек.

— Из двухсот! Целый полк¹ потерял!

— Давно пора привыкнуть. Мы на войне, а не на веселой пирушке.

— Извини, но я не стану привыкать к этому! — резко бросил Рандо, и его голубые глаза гневно вспыхнули.— К нам присоединилось много солдат. Они надеются, что я выведу их.

— К нам все время кто-то присоединяется,— проворчал Водер.— Мелот свидетель, я еще никогда не встречал такой разношерстной... армии. Ха! Голодранец на голодранце. Но сражаются отменно. Не хуже благородных. За это я их уважаю. Кстати говоря, что ты намерен делать с варваром и болтуном?

— Не знаю. Еще не решил.

¹ Имперский тяжелый кавалерийский полк «Имперские леопарды» состоит из двухсот воинов.

— Их рассказ слишком необычен. Они могут быть шпионами. Или дезертирами. И те и другие заслуживают петли.

— Крейг говорит, насчет Врат эти люди не ошиблись. Однако он не уверен, что они те, за кого себя выдают. Меня больше успокаивает реакция Юргона на их ответы. Кроме того, один из них — северянин. Этот народ слишком не любит темных, чтобы быть с ними заодно.

Водер рыкнул, словно медведь:

— В начале лета я думал точно так же. Но сейчас слишком многое изменилось. Сам вспомни, сколько предательств. Кто бы мог предположить, что Окни вручит набаторцам ключи от города на бархатной алой подушке?! А левый фланг отступит под Альсом, обнажив наши тылы?!

— Ты во всем прав. Но рубить сплеча я не хочу. Следует разобраться.

— Не спорю. И не заставляю лишать их жизни. Мы не набаторцы. Однако выпускать их тоже не стоит. Северяне без веревок приобретают очень неприятную особенность становиться опасными противниками... Хватит стоять под дождем. Пошли под навес.

Рандо, не споря, последовал за родичем.

— Люди говорят, мы угодили в дурное место,— задумчиво проводив взглядом намокшую, едва поднимающую крылья ворону, произнес Водер.— Мне не нравится здесь. Странная деревушка.

— Не узнаю тебя, дядя.

— Я сам себя не узнаю,— гигант нахмурился. Помолчал. Потом мрачно произнес: — Когда сюда прибыл передовой отряд Глума, все было точно так же, как сейчас. Ни души. Если, конечно, не считать нескольких исклеванных птицами висельников. Покойникам дней шесть. Если не семь. И... пустые дома.

— Жаль, у нас нет хорошего следопыта. Возможно, он смог бы увидеть больше.

— Ребята нашли немного крови рядом с одним из овинов, но тьма теперь разберет, чья она — человеческая

или овечья. Следов много, но они старые. И почти неразличимые. Кажется, не повезло лишь тем крестьянам, которые попались в объятия Тощей вдовы. Остальные успели уйти в лес.

— Значит, они могут вернуться.

— Не думаю. Вооруженные люди должны их здорово пугать. Будут сидеть, пока мы отсюда не уедем.

— В любом случае предупреди часовых.

— Уже предупредил.

Юргона возле колокольни не оказалось. Рандо толкнул дверь, и та бесшумно распахнулась. Оглядев помещение, он заметил в дальнем углу грубо сколоченную винтовую лестницу и под жалобный скрип разошедшихся ступеней начал подъем.

На середине пути его окликнули. Назвавшись и стараясь не сбить дыхания, рыцарь преодолел последний участок. Один из назначенных в дозор лучников сидел на ступенях, с аппетитом вгрызаясь в здоровенный кусок черствого хлеба. Его товарищ мерз на обзорной площадке, прислонив длинный лук к высокому борту. Здесь было очень ветрено.

Рандо задрал голову, посмотрел на старенький колокол и свободно висящий трос.

— Все тихо,— сказал дозорный.

Командир отстегнул от пояса флягу, на дне которой еще плескались остатки рески:

— Держи. Тебе и приятелю. Погрейтесь.

Солдат благодарно кивнул, сделал скупой глоток. Окликнул товарища. Командир «леопардов» тем временем осматривал окрестности. Серо-желтые крыши домов, бурая грязь, голые огороды. На западе, там, где стояла мельница, текла река. Из-за бесконечных дождей она разлилась и затопила луга, превратив их в непроходимое болото. Впрочем, залитые дождями поля на востоке также стали естественной преградой. За ними виднелись глинистые холмы. На севере и юге начинались леса.

— От леса подойти к деревне можно,— раздался за спиной негромкий голос, и Рандо вздрогнул от неожиданности. Он не услышал, как поднялся наверх и подошел со спины командир мечников, морассец Ильса.— Уверен, что у местных есть тропы. Ходили же они как-то за хворостом. Большую опасность представляет восточная дорога. И та, по которой мы приехали. С юго-запада. Глум занимается выполнением вашего приказа. Тракт уже перекрыт, стрелки на местах.

— Хорошо. Второй заслон надо поставить рядом с трактиром. Перегородить улицу.— Рыцарь указал рукой место.— Если набаторцам удастся прорваться через первую преграду, встретим их здесь.

— Вы, как и господин Водер, думаете, что они все-таки нас нагонят? — свел брови морассец.

— Это не исключено. Но если до завтра никто не появится, я не буду разочарован.

— Никто не будет,— улыбнулся Ильса, коснувшись рукояти фальчиона.— Впрочем, в любом случае, сражаться здесь гораздо лучше, чем в открытом поле.

Рандо кивнул, и командир мечников добавил:

— Юргон приказал мне привести вас к нему.

— С каких это пор моим офицерам дают указания? — нахмурился рыцарь.

— Огоньков разве не знаете? — улыбнулся в черные усы воин.— Носители «искры» частенько забывают, что не все считают их главными. Впрочем, мне было несложно найти вас и передать его просьбу.

Они вместе спустились вниз. Хлюпая по грязи, добрались до обветшалого трактира. Жестяная вывеска скрипела на ветру, из едва держащейся водосточной трубы хлестал нескончаемый поток воды.

— Пойду, проверю посты,— произнес Ильса и направился на восточный конец деревушки.

Рандо толкнул дверь, переступил порог. После улицы здесь было тепло, даже жарко. Два длинных стола и четыре скамьи оказались сдвинуты к стене, пол густым слоем

устилало сухое сено. Стальной обруч люстры с порядком оплывшими сальными свечами бросал на стены и потолок тусклые желтые блики.

В зале находилось чуть больше двадцати человек. Те, кому Рандо приказал отдыхать, пока не настанет их очередь дежурить и работать. Некоторые воины облюбовали столы и скамьи, некоторые расположились прямо на удобной подстилке. Почти все, устав от бесконечной, выматывающей скачки, уже спали. Лысый коротышка, ловко орудуя иглой, чинил порвавшиеся штаны, его приятель с безразличием жевал скудный паек, немолодой арбалетчик подкармливал дровами бушующий в камине огонь.

Рандо заметили, поприветствовали усталыми кивками.

— Юргона видели? — спросил рыцарь.

— Наверху, — не разжимая зубов, в которых была зажата нитка, процедил «портной». — С картами возится.

Молодой человек поднялся на второй этаж, заглянул в первую же комнату и увидел сидящего за столом Огонька.

— С какой стати ты отдаешь приказы моим людям?

— Не кипятись, — произнес Юргон, не поднимая головы. — Это был единственный способ затащить тебя сюда. Иначе бы ты еще сто лет проверял патрули, беседовал с офицерами и распределял фураж лошадям.

— Что в этом плохого? — нахмурился Рандо.

— Совершенно ничего. Особенно когда поблизости нет зеркал. Ты бы себя видел. Мертвецы и то краше выглядят.

— Это обычная простуда...

— Которая через несколько дней сведет тебя в могилу, если ты не найдешь в себе смелости забыться сном.

— Не надо разговаривать со мной, как с сопливым мальчишкой! — вспылал рыцарь.

— Я буду с тобой разговаривать так, как ты этого заслуживаешь, милорд! — зло стукнул кулаком по столу маг, и его большие уши побагровели. — Потому что, если ты сдохнешь от усталости, всем остальным от этого будет лишь хуже. Ты — сердце этого отряда. Они идут не за

мной, не за Водером, не за Ильсой, а за тобой. Если тебя не станет — мы долго не продержимся.

— Хватит. Не начинай.— Молодой человек устало отстегнул ножны с полуторным мечом и бросил их на стол.— Я могу понять, когда солдаты болтают про «счастливого Рандо». Но не желаю слышать крестьянские суеверия от человека из Башни.

— Ты прав. Я не верю в приметы. Но они-то верят. И если это поможет им продержаться и выжить, значит, стоит подыгрывать. К тому же в какой-то мере эти «суеверия» справедливы. Мы вырвались из окружения под Альсом. Прошли большую часть юга. Не чем иным, как зверской удачей, я это не назову. Как голова?

— Так же.

Огонек встал, налил в кружку воды, провел над ней рукой, заставляя нагреться, бросил щепотку трав. По комнате тут же разнесся отвратительный горький запах, и Рандо поморщился:

— Мне обязательно пить эту гадость?

— Тебе же вроде не нравится, когда с тобой разговаривают, как с «сопливым мальчишкой»,— улыбнулся Юргон, протягивая лекарство.— Отвар поставит тебя на ноги.

Рандо взял кружку, сделал осторожный глоток и скрипел:

— Вкус даже хуже, чем у пойла моего дядюшки, которое он называет вином. Что это? — Рыцарь покосился на одну из бумаг.

— Я начертил план деревни. И ты, и Водер правы. Нам нельзя здесь оставаться, но продолжать путь мы тоже не можем. Поэтому, так как мы здесь, я хочу соорудить парочку магических сюрпризов для гостей. Вот здесь, здесь и здесь.— Огонек попеременно ткнул испачканным чернилами пальцем в импровизированную карту.— Хотелось бы еще три поставить вот на этот участок, но, боюсь, сил уже не хватит.

— Твои метки пригодятся. И хорошо бы одна из них оказалась на участке дороги между холмами. Это реально?

— Да,— кивнул маг, вставая.— Я займусь ею прямо сейчас.

— Постой.— Рандо поставил опустевшую кружку.— Возьми с собой несколько человек.

— Конечно. Ты решил, что делать с пленными?

— Пока нет.

— Имя Ходящей из Башни они назвали правильно.

— Его можно было от кого-то услышать,— пробормотал «леопард», чувствуя, что веки наливаются свинцом.

— Можно... Если не возражаешь, я хочу с ними поговорить.

— Конечно.— Рандо, не удержавшись, зевнул.— Слушай... что ты мне... подмешал в это... пойло?

Юргон улыбнулся:

— Два нара сна пойдут тебе на пользу.

Рыцарь не ответил. Уронив голову на руки, он спал.

ГЛАВА 3

Га-нора и Лука привели в один из домов, но вскоре тот понадобился солдатам и, с благословения жреца Мелота, которому, кажется, было все равно, что происходит, их заперли в храме, напоследок предупредив — любые попытки досадить охране закончатся плохо.

— Как думаешь, долго еще они будут вести себя по-идиотски, лопни их жаба? — спросил Лук, которому недоверие своих казалось страшно оскорбительным и, кроме того, доставляли огромное неудобство связанные руки.

— Не знаю,— безразлично проронил Га-нор. Он сидел, прислонившись спиной к стене и вытянув ноги.— Они могли бы повесить нас без всяких разговоров.

Стражник недовольно повозился, кряхтя сел рядом:

— Хорошо хоть ноги не связали. Думаю, можно даже не спрашивать у этих любезных господ про ужин.

Га-нор невесело улыбнулся в усы, и разговор как-то сам собой затих. Вновь повисло тяжелое молчание.

Где-то под полом осторожно возились мыши, по крыше барабанил дождь, с улицы раздавались выкрики и ругань. Наступил вечер, за высокими узкими оконцами угасло солнце, и по полутемному храму растекаясь непроглядный мрак. Вернулся жрец в сопровождении солдата. Они зажгли свечи и лампы, и в ночи замерцали несколько десятков тусклых светляков. Их света хватало лишь, чтобы озарить алтарь да небольшой участок пола. Стены, как и раньше, тонули во тьме. Жрец подошел к пленникам:

— Хотите помолиться?

— Прости, жрец, но я молюсь своему богу, — негромко ответил Га-нор.

— Бог един. Мелот или Уг — неважно, каким из множества имен его называют. Он все равно слышит нас, — все так же спокойно сказал Отор.

— Не уверен, что братья по вере разделяют твои мысли.

— Многие из нас пребывают в заблуждении. Мы всего лишь люди, и нам свойственно ошибаться, как и всем детям Его. Я помолюсь за вас сам.

— Надеюсь, тебя услышат, — вздохнул Лук. — Чья-нибудь помощь нам бы сейчас не помешала.

Жрец отошел к алтарю и начал нараспев произносить стихи из книги Созидания.

— Вам что-нибудь нужно? — спросил слуга Мелота, когда моление было закончено.

— Воды.

— Хорошо. Я принесу.

Их напоили, так и не развязав рук, а затем вновь оставили в одиночестве. Теперь уже надолго.

— Мы похожи на мух после встречи с пауком, лопни твоя жаба.

— Шевели пальцами. Веревки ослабли.

— Пальцами? Это даст мне возможность выпутаться?

— Нет. Это даст тебе почувствовать свои руки.

Лук, сосредоточенно нахмурившись, последовал совету сына Ирбиса. Через какое-то время неприятное онемение и покалывание отступило, а затем и вовсе пропало.

— Горячий шаф,— тоскливо протянул стражник,— все бы отдал за кружку горячего шафа и миску мяса. Кстати говоря, ты слышал, о чем говорили командиры? За ними по пятам несутся набаторцы. И скоро, между прочим, они окажутся здесь, лопни твоя жаба.

— Надеюсь, что к этому времени здесь не будет нас.

— Ты что-то придумал? — вскинулся стражник.

— Надо убедить «Имперских леопардов» в нашей честности.

— А-а-а. Ты про рыцарей... Я слышал об этом отряде. Они воевали под Сандоном. Корунские ребята. Охраняют императора?

— Нет. Ты путаешь их с гвардией. «Леопарды» — один из полков тяжелой императорской кавалерии. Последние шесть лет они торчали под Альсом. Хорошие солдаты.

— Им это не очень-то помогло. Их меньше десятка. Могу представить, какая там должна была случиться мясорубка...

Внезапный отблеск в окне прервал его фразу, и спустя уну до них долетел ослабленный расстоянием грохот.

— Гроза? — Стражник вопросительно посмотрел на северянина.

— Не думаю.

На улице раздались крики, а затем низко и тревожно взревел боевой рог.

Рандо снилась мать. Она была такой, какой он ее помнил еще до гибели отца — веселой, молодой, никогда не унывающей. Звонко смеясь, она возилась со щенком серого лохматого волкодава. Тот нежно покусывал руки хозяйки и, смешно урча, пытался перевернуться на спину.

Белое платье матери отливало серебром, тонкая нитка проганского жемчуга на шее смотрелась изысканнее и прекраснее фамильных бриллиантов, темно-русые волосы в солнечном свете искрились рыжиной. Она казалась воздушной и волшебной, словно дева из старых легенд.

Затаив дыхание, Рандо любовался ею до той поры, пока рев рога не разбудил его. Он вскочил, не понимая, где находится. В комнате было темно, из коридора лился тусклый свет, за окном метались тени с факелами. Рог протрубил еще раз. И еще. Рыцарь схватил меч, бросился к выходу, в четыре прыжка преодолел лестницу и выскочил на улицу.

Дождь кончился. По всей деревне горели огромные костры, разоженные солдатами.

— Рандо! У нас гости! — Водер уже был здесь.

В руках он держал гигантский молот.

— Где Юргон?!

— Не знаю. Но его ловушка сработала почище имперского фейерверка!

Рандо увидел Ильсу и крикнул ему:

— Если прорвутся, всем отходить к трактиру, попробуем сдержать их здесь!

— Вы думаете, их много, милорд? — Морассец был хмур.

— Склонен предполагать худшее. Увидишь Глума, отправь его ко мне!

Обернувшись к шестерым воинам, чьи доспехи были отмечены леопардами, рыцарь коротко отдал приказ:

— Вы — на последнюю линию. Разбейтесь по двое. Если будет прорыв — не дайте им добраться до лучников.

— Для этого хватит и четверых, милорд, — возразил высокий бородач с красным лицом. — Солдаты Ильсы нас поддержат.

— Согласен, — поспешно поддержал его курносый молодой «леопард». — Вы не можете остаться без телохранителей, милорд.

— Мне не понадобится охрана, если мы удержим оборону!

— Милорд! — подбежал Глум.

— Сколько твоих людей на колокольне?

— Двое.

— Еще троих на второй этаж трактира. К окнам. Четверых — к восточной дороге. И проследи, чтобы была поддержка мечников.

— Сделаю.

Рандо увидел, что двое рыцарей все-таки остались с ним. Что бы там он ни думал, но его полк иногда шел наперекор приказам. В особенности если считал, что командиру грозит опасность.

— Ладно, — сдался он. — Тьма с вами. Пошли.

У него не было надежды, что после ловушки Юргона от них отстанут. Иначе это бы произошло еще четыре дня назад. Все понимали — погоня продолжается только потому, что среди преследователей есть некромант, и большую часть «сюрпризов» ему удастся нейтрализовать еще до того, как те заберут с собой часть солдат. То, что кто-то излишне прыткий нарвался сейчас на магический капкан, можно было считать удачей.

Дорога, как он и приказал, была завалена бревнами. Часть из них обтесали, превратив в палисад из кольев, за которым теперь прятались вооруженные луками и арбалетами солдаты. Еще двое стрелков сидели на крышах ближайших изб.

— Они не могут пройти огородами? — спросил Рандо у Ильсы.

Морассец пожал широкими плечами:

— Ну, только если полные идиоты. Перелезть через ограды, топтать по этой жиже. Они и десяти ун не пробегут под стрелами. На такое можно решиться, если есть под началом три-четыре сотни и командир не жалеет своих подчиненных.

— У нас мало стрел, — мрачно произнес Водер, слезая с седла. — На каждого лучника не больше десятка. А болтов и того меньше.

— Что-то они не торопятся, — угрюмо заметил Кальн.

Дорога была пуста. В семидесяти ярдах от баррикады горело два больших костра, освещающая поворот, за которым скрывалось кладбище.

— Выслать разведчиков? — неуверенно поинтересовался Ильса.

— Неудачная идея, парень,— покачал головой Водер.— Похо...

Алая вспышка осветила его лицо.

— Забери меня тьма! Что это?!

— Западная дорога! Еще одна ловушка Юргона сработала! — крикнул Рандо.— Два десятка туда! Живее! Арбалетчиков к трактиру! Ильса! Останешься здесь. Не дай им прорваться!

Сигналя об опасности, опять загудел рог.

Враги прорвались в деревню, и на полутемной улице, освещенной отблесками костров, кипел бой. Среди сражающихся метались худые черные тени. Мортвов было то ли пятеро, то ли шестеро, и сейчас они представляли самую главную проблему.

Отряд, возглавляемый Рандо, бросился в битву. Дорогу рыцарю загородили двое набаторцев, но один тут же погиб от мечей взявших его в «клещи» телохранителей герцога, а второй получил в спину прилетевшую с колокольни стрелу. Морт, оказавшись рядом, стремительно атаковал, его скимы громко взвизгнули, рассекая воздух.

Молодой человек и не думал вступать в поединок. Его учили избегать длительного боя, не тратить силы на ненужное размахивание мечом, убивать врага как можно быстрее. Он отшагнул в сторону, избегая удара. Одновременно занес тяжелый клинок, и в следующее мгновение тварь лишилась головы.

Рандо перепрыгнул через тело, легко отбил бастардом летящий слева кинжал, пырнул врага в живот, проскользнул под секирой другого, побежал дальше, подсек под колени зазевавшегося набаторца.

Водер, ревя медведем, крушил молотом кости насккивающих на него противников. Рядом с рыцарем сражался богохульствующий на все лады Отор.

Кошкой выскочил из-за спин мечников Юргон, бросил в последнего из уцелевших мортов изумрудным сгустком. Поразив бок существа, тот замедлил его в несколько раз, и двое солдат топорами изрубили костлявое тело.

Маг между тем начал сжигать попадавшихся ему на глаза противников.

Рандо заметил краем глаза, как Отора повалили на землю, сверкнул нож, но убийца не успел закончить дело. Арбалетный болт влетел ему прямо под шлем. Жрец сбросил себя тело, ударил кулаком снизу-вверх другого противника, а в следующий миг молот Водера проломил невезучему набаторцу грудную клетку, отбросив назад на несколько ярдов. Гигант крутанул страшное оружие над головой, и один из уцелевших врагов, не выдержав, побежал.

Из окон трактира и с колокольни падали скупые, но точные стрелы. Рандо пропустил удар, легкий меч скользнул по его наплечнику, не причинив вреда. Взяв бастард обратным хватом, он широким взмахом развалил незащищенный подбородок южанина и снес ему голову. Вдвоем с дядей они возглавили клин атаки, и перевес сил начал клониться в их сторону.

Когда полыхнуло во второй раз, Лук не нашел ничего лучшего, как помянуть жабу.

— Это магия,— спокойно отметил Га-нор.

— Своя или чужая?

— Я не видел Ходящей среди тех, кто взял нас в плен.

— Проклятье!

Рев рога смолк, словно трубивший человек захлебнулся. Затем донеслись крики и звон оружия.

— Что это? — внезапно наострил уши сын Ирбиса.

— Сражаются. Неужели непонятно?!

— Я не о том. Слышишь? — Он, словно большая птица, склонил рыжую голову, обшаривая взглядом помещение.— Под полом.

— А-а,— протянул Лук, не понимая, почему товарищ так насторожен.— Мыши. Они давно там возятся.

- Нет. Тут другой звук. Слишком велики для мышей.
- Ну, значит, крысы.
- Если только очень большие крысы.
- Эй! Что ты делаешь?!
- Пытаюсь встать! И тебе советую!

В этот момент доски на полу содрогнулись от сильного удара снизу.

— Спаси нас Мелот! — шепотом произнес Лук после того, как его сердце замерло на три бесконечно долгие уны.— Что это за хрень, лопни твоя жаба?!

Ответом ему был новый удар. Казалось, из-под пола к ним пробивается разъяренный зверь.

— К выходу! Быстрее! — Га-нор уже был на ногах.

Лук, поминая то тьму, то Счастливые сады, с трудом поднялся.

Двери пришлось толкать плечом.

— Заперто!

— Так привлекли к себе внимание! Стучи! — Северянин, не спуская глаз с половиц, начал медленно обходить алтарь по кругу.

Стражник, все еще не понимая, что происходит, принялся бить в дверь ногами.

— Никто нас не слышит! Все заняты боем!

— Кричи громче.

— Что? — удивился тот.

— Ори! — Га-нор уже находился в самом дальнем, неосвященном участке храма.— Сожри меня ледяные черви! Здесь спуск в подпол!

Он подбежал к Луку:

— Вместе, приятель! Попробуем ее выбить!

Но вышибить дверь не получилось. Створки были мощными и тяжелыми, да еще и заперты на крепкий засов снаружи. Друзья колотили изо всех сил, но тут крышка, закрывающая лаз, не выдержала натиска неизвестного и с треском развалилась на несколько частей. По храму начал расползаться ужасающий смрад разложения. Из зияющего тьмой подвала появилась рука, затем другая.

Черные пальцы с обломанными ногтями впились в пол. Мигнули горящие зеленым огнем глаза.

— Эй! Вы! Помогите! — оглушительно завопил Лук, вновь начав долбиться в преграду.— Эй! Слышите?! Помогите!!!

Га-нор в два прыжка подлетел к мертвецу, который уже наполовину выбрался из дыры, и, не обращая внимания на угрожающее хрипение и оскаленные желтые зубы, изо всех сил ткнул противника сапогом в лицо. Не ожидавший этого покойник не удержался и с грохотом свалился вниз. Сын Ирбиса умудрился подтащить и столкнуть в проем тяжелый треножник с горящими на нем свечами. Тот канул во тьму, следом за мертвецом, на мгновение осветив жуткую картину из шевелящихся рук и оскаленных пастей.

— Спаси нас Уг! — Даже северянин был ошеломлен увиденным.— Там их полно!

— Откройте!! Эй!! — пуше прежнего заорал Лук.— Слышите?!

Новый кукс попытался выбраться на свободу и повторил судьбу своего предшественника. Ему на смену тут же пришли еще двое. Пока Га-нор разбирался с одним, другой умудрился схватить следопыта за ногу и повалить на пол.

Лук, оставив в покое дверь, бросился на помощь товарищу. Он успел подбежать как раз в тот момент, когда покойник полностью вылез и собирался прыгнуть на поспешно отползавшего к стене Га-нора. С отчаянным воплем солдат боднул мертвеца, едва не улетев в провал следом за ним.

— Что там у вас?! — раздался раздраженный голос снаружи.

Едва не заплакав от облегчения, Лук закричал, надрывая глотку:

— Откройте! Быстрее! Покойники! Покойники лезут! Слышите?! А-а-а-а!!! — Синие руки вцепились в его ногу, пытаясь стащить вниз.

Удивительно, но никто из солдат не стал подробно разбираться в странных словах пленника. Раздалась встревоженная команда, грохнул засов, в храм с обнаженным оружием ворвались люди. Кто-то, сразу же оценив ситуацию, бросился на помощь Луку и перерубил руку мертвеца, освобождая стражника из плена.

— Выведите их! — крикнул влетевший в помещение Юргон.

Воины поставили приятелей на ноги. Светловолосый рыцарь остервенело рубил секирой лезущую снизу на пасть, плюясь и содрогаясь от омерзения.

— Отойди, Кальн! — приказал ему маг, всплеснул руками, и с его ладоней сорвалось два сгустка жидкого пламени.

Ухнуло, раздался многоголосый вой, из дыры взметнулся столб огня. Он лизнул потолок и с ревом начал пожирать все, чего удалось коснуться. Солдаты отшатнулись от жара. Пол едва держался. Через минку он должен был провалиться в бушующее под землей пекло.

— Уходим! — гаркнул Юргон, подтолкнув к выходу какого-то солдата. — Сейчас все прогорит!

Огонек выскочил на улицу последним, сам закрыл двери и с помощью рыцаря запер их на тяжелый засов.

ГЛАВА 4

Над промокшей, посеревшей, выцветшей за нескольких недель непогоды степью плыли стальные тучи, щедро орошая раскисшую землю бесконечным дождем. Ветер то стихал, то налетал порывами, остервенело бросаясь на избитую, уставшую траву, немногочисленные взъерошенные кустарники и мой плащ. В какой-то момент очередное его нападение закончилось успехом, и капюшон слетел у меня с головы.

Рассвело где-то с полнара назад, но солнца я так и не увидел — оно, едва успев подсветить горизонт, тут же

скрылось в дождливом мареве, постепенно растворяя жмущиеся к земле обрывки ночного мрака. Уже второй день было по-осеннему холодно, и хотя до отрогов Катугских гор, по моим расчетам, гораздо дальше, чем до теплого Устричного моря, я начал опасаться, что ветер принесет с севера первый в этом году снег. Прежде чем я надел капюшон на голову, дождь — ледяной и неприятный — успел промочить мне волосы и бороду. Судя по бесконечным клубящимся облакам, надеяться на то, что за день хоть что-то изменится, не приходилось.

Кажется, дрянной погоде радовался только Гбабак. Как все лягушки, он наслаждался льющейся с неба водой и поквакивал в свое удовольствие, поглядывая на остальных с легким недоумением. Блазг искренне считал, что дождь — это благословение Квагуна и принимать милость болотного бога следует исключительно с улыбкой на роже. Все остальные, включая писклявого Юми, были с ним не слишком согласны и при любой возможности прятались в фургоне, грея руки и лапы над ковшиком с углями.

Я обернулся. На западе все еще было сумрачно, и, не смотря на рассвет, разглядеть находящийся в ста ярдах от меня фургон и лошадей было непросто. Особенно если не знаешь, что и где следует искать.

В отличие от всех, мне опять не спалось. Сны — это бич, который казнит меня ничуть не хуже, чем моя совесть. Стоило закрыть глаза, как передо мной начинал кружить хоровод из багряных карт. Я хватал одну, другую, третью, и каждая из них обязательно оказывалась «Девой». Художник, в какой бы Бездне он сейчас ни находился, изобразил на карте Лаэн.

Поэтому если я и засыпал, то ненадолго.

Вот и сегодня очередной кошмар поднял меня ни свет ни заря. На душе скребли кошки. Я каждую минку думал, что бы случилось, если бы я в том странном сне угадал карту Йуолы? Осталась ли мое солнце жива? Или кошмар не имел ничего общего с реальностью, и, что бы ни случи-

лось в мире иллюзий, на настоящую жизнь это не оказало бы никакого влияния?

Вопросы терзали меня постоянно, но рядом не было никого, кто мог бы на них ответить.

— Эй, Нэсс! — услышал я резкий окрик за спиной.

Вздвогнув, обернулся и неодобрительно посмотрел на неизвестно как подкравшегося ко мне Шена. Мальчишка кутался в плащ, ежился и смотрел с укором.

— Ты опять не спал?

Я ничего не ответил. Отрицать очевидное не было необходимости.

Шен смерил меня теперь жалостливо-осуждающим взглядом:

— Нэсс, послушай...

— Ты решил стать моей нянькой?! Хватит заботы. Я справлюсь.

Удивительно, но он не обиделся и не отстал.

— Нэсс, прошло почти две недели с тех пор, как она умерла. Пора бы тебе...

Я посмотрел на него, и он осекся. Будь на месте Целителя кто-нибудь другой, думаю, в зубы он бы уже схлопотал. Но с учетом того, что Шен как был дураком, так дураком и останется, лечение «в зубы» ему мало чем могло помочь. Поэтому я лишь тихо хмыкнул в ответ:

— Шел бы ты погулять, парень. Куда подальше.

— Ты не так меня понял! — поспешил оправдаться он. — Я всего лишь хотел сказать, что ее не вернешь и...

Теперь я посмотрел на него еще более мрачно. Великий Целитель будущего прочистил горло и решил попытаться еще раз донести до меня свою мысль:

— Короче. Мы без тебя пропадем. Рона больна, а я... Бездна! Если ты думаешь, что я не страдаю оттого, что она погибла, то глубоко заблуждаешься! Если бы я только умел воскрешать, неужели ты думаешь...

— Слушай, просто иди гуляй, а? — со смертельной тоской в голосе попросил я.

— Ну и тьма с тобой! Делай, что хочешь. Но не жалуйся потом! — Он отмахнулся от меня и, ссутулившись, потопал обратно к фургону.

— Эй, Шен! — окликнул я.

— Чего? — хмуро отозвался он из-под капюшона и остановился.

— Ты ни в чем не виноват.

— Да ну?! А кто тогда виноват?! Скульптор мог воскрешать мертвых...

— Ты — не Скульптор. И, возможно, истории о воскрешении не более чем сказки. Во всяком случае, я тебя ни в чем не виню.

Он как-то сразу сник, и мне даже показалось, шмыгнул носом. Но я не смог бы за это поручиться.

Потом подошел ближе:

— Ты тоже обвиняешь себя, хотя ничем не мог ей помочь. Я понимаю, сейчас тебе тяжело, но ты не должен считать, что Лаэн не стало из-за твоих ошибок.

— Неужели? — невесело усмехнулся я.— Спасибо за утешение, приятель, но именно я завел вас в ту ловушку. Ничто не мешало нам продолжить путь вместе с Лереком. Жрец предлагал двигаться по дороге вдоль моря, но я отказался. Это привело нас в руки Проказы.

Он огорченно вздохнул:

— Не буду тебя ни в чем убеждать. Как видно, сейчас это совершенно бесполезно.

Шен оставил меня в одиночестве на пронизывающем ветру. Я постоял еще немного, послушал, как дождь шелестит по высокой траве, а затем двинулся направо, к дороге. Впрочем, ни на что не надеюсь.

Обнаруженный мной у поместья след, идущий с северо-востока, исчез восемь дней назад. Проклятая непогода уничтожила всякую надежду понять, откуда в гости к Проказе прибыли неизвестные. Куда они ушли, в основном было понятно — в Бездну. Приехавшие некроманты нарвались на теплый прием, и никто из них не смог убраться из логова паучихи подобру-поздорову. Уцелел лишь

тот, кто прикончил Тальки и убил мое солнце. И я бы с радостью поговорил с ним по душам.

Но сделать это, к сожалению, не представлялось возможным — тварь исчезла и в буквальном, и в переносном смысле. Следы, уходящие от Лаэн, пропали через сорок ярдов, закончившись большим выжженным кругом. Шен высказал предположение, что палач ненадолго пережил мою жену, сгорев, точно спичка, но я с ним не согласился. Мне не удалось найти останков, а судя по земле, температура здесь была не такой высокой, чтобы уничтожить кости.

Я испытывал злость и разочарование. Убийца скрылся, а я остался ни с чем. Без всяких зацепок. Это мог быть кто угодно — некромант, Ходящая и даже кто-нибудь из Проклятых. А быть может, и вовсе тот, о ком я понятия не имел. И теперь мое единственное упование — добраться до того места, откуда вели следы, — смыто дождевой водой. Но я все равно упорно держался тракта, надеясь найти хоть какую-нибудь деталь, которая рано или поздно приведет меня к убийце.

Однако с каждым днем эта надежда таяла.

— Вот так, собака! — печально пискнул Юми, высунувшись из фургона.

Я повернулся за разъяснениями к Гбабаку, шагающему рядом с тянущими повозку лошадьми.

— Юми спрашивать, нет ли у твой лишний кусочек-ва? — прогудел блазг.

Я вздохнул, сунул поводья под мышку, отломил половину от сухаря, который лежал в кармане, и протянул его вейе. Тот озорно блеснул черными глазками, сцапал жратву тонкими ручонками, сунул за щеку и, заметно повеселев, спрятался под крышей.

— Прожорливый парень.

— Не таквой, квак я,— ослабил Гбабак и похлопал себя по животу.

Это точно. Блазг ест редко, но метко. Два дня назад он, несмотря на свои внушительные габариты, с легкостью

догнал сайгурака и слопал его за ужином вместе с рогами и копытами.

— Твой выглядеть плохо спавшим, человеке.

Я хмуро ответил:

— Со мной все в порядке.

— Твой друг так не считать. Не надо думать о мертвой самкве.

— Много ты в этом понимаешь,— я зло покосился на гору мышц.

— Много,— важно кивнул он, горделиво вздыбив ядовитый гребень.— Квагда я быть еще глупой маленьквой сийри¹ и только выбирать в кваквую квасту войти, говорящий с Квагуном рассказывать много историй. Мы не умирать. Мы уходить. В другой мир. Лучший. Теплый. Солнечный. Со множеством дождя, радуг и червякквквков.

— Ты меня очень утешил, Гбабак,— процедил я.

— Я стараюсь,— он растянул лягушачью пасть в улыбке.— Твой легче?

— О да.

— Хорошо! Квагун говорить, что нельзя сквачать по тем, квато уйти. Тем тогда плохо. Мы их не отпусквать, и они не наслаждаться новой жизнью.

— И червякквквами?

— Да,— он посмотрел на меня, ослабился.— Твой меня не слушать и меня не понимать. Твой еще маленьквай. Утро вечера светлее. Пойти глядеть, что и квак во-круг.

Блазг сошел с дороги и скрылся в высокой траве. Теперь не появится пару наров. Я прикрикнул на лошадей, тащивших наш желто-коричневый деревянный фургон, и направил их в объезд огромной лужи. Воды было много, но, на мое счастье, грязь еще не захватила полную власть над трактом, и повозка не застревала всеми четырьмя колесами через каждые двадцать ярдов. Остановились мы

¹ С и й р и — третья стадия развития блазга. Все особи имеют одинаковый (женский) пол.

лишь однажды, когда Шен по глупости решил проехать напрямик. Впрочем, блазг, обладающий огромной физической силой, без труда выволок фургон из топкой ловушки.

В принципе я не возражал, что Гбабак и его дружок продолжают свое путешествие вместе с нами. Они нам нисколько не мешали, хотя я и не понимал, для чего им понадобились спутники. Эта колоритная парочка странствовала уже давно, отправившись в дорогу еще до войны. Квагер оказался заядлым путешественником с бесконечным оптимизмом и верой в то, что все будет хорошо. Если не сейчас, так завтра.

Я сидел на козлах, следил за дорогой, управлял лошадьми, слушал дождь и видел перед глазами могилу Лаэн. Я похоронил Ласку подальше от усадьбы, рядом с холмами, когда дождь немного стих. Шен принес заступ, предложил помощь, но я отказался и вырыл могилу сам. Когда все было сделано, блазг приволок тяжеленный валун, который мы использовали вместо надгробной плиты, а Юми, добрая душа, оборвал с клумб уцелевшие после побоища цветы и принес их мне, ободряюще шепнув про «собаку».

Была уже ночь, но, несмотря на опять разошедшийся ливень, я вооружился фонарем и бросился искать следы убийц, опасаясь, что к утру от них мало что останется. Но дождь уже основательно промочил все вокруг, и если бы не вейя, оказавшийся отличным следопытом, я бы никогда не нашел пришедшие с северо-запада отпечатки копыт.

Я так и не заснул в ту ночь — обыскивал дом. Мы отправились в дорогу, едва рассвело, позаимствовав на развалинах все, что требовалось для путешествия. Я попрощался с моим солнцем, дав ей обещание обязательно вернуться и не сказав ни слова про то, что собираюсь сделать с тем, кто убил ее. Думаю, она бы этого не одобрила. Да я и сам понимал, каков риск связываться с неизвестным, умудрившимся прикончить Проказу. Но отступать не собирался и уцепился за ненависть и месть, как утопающий цепляется за любую соломинку.